УДК 82.09-94:327
DOI: 10.26456/vtfilol/2026.3.056

«ТРЕТЬЯ ИДЕЯ»: ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ ПРАВОСЛАВИЯ В КОНТЕКСТЕ «ВОСТОЧНОГО ВОПРОСА» НА СТРАНИЦАХ «ДНЕВНИКА ПИСАТЕЛЯ» Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО (1876–1877 гг.)

Е. С. Сычева

Московский государственный институт
международных отношений (университет), г. Москва

В фокусе внимания данного исследования оказывается интерпретация Достоевским православия не только как религиозной или религиозно-философской концепции, но и как своеобразного геополитического фактора, базой для которого становится определённая культурно-историческая общность народов, исповедующих православие, в противовес самосознанию и мировосприятию народов, сформировавшихся под влиянием католической и протестантской культурно-религиозных традиций.

Ключевые слова. *Достоевский, геополитика, православие, «восточный вопрос», Балканы, Европа*

Введение. Православие и «восточный вопрос» в творчестве Достоевского

«Восточный вопрос», его геополитическое и духовное значение для России в публицистике Ф. М. Достоевского привлекает к себе пристальное внимание современных исследователей. Неизменный интерес вызывают к себе и такие темы творчества Достоевского, как отношения России и Европы [1; 4; 15], взаимосвязь между Россией и православными народами Балкан [2; 3; 10; 11; 12; 13; 14], и, наконец, – тема православия, в том числе и как важнейшего фактора, во многом определяющего развитие международных отношений в современной Достоевскому Европе [5; 9; 16]. При этом стоит отметить, что до сих пор исследователями рассматривался либо «восточный вопрос» в публицистике и письмах Достоевского как таковой (именно с исторической или геополитической точки зрения), либо понимание Достоевским православия в целом (включая православные аллюзии и концепции в его литературных произведениях); имели место также осмысление и анализ идей, пронизывающих его творчество, с философской или историософской точек зрения. Однако, до сих пор исследователи не ставили своей целью сформулировать основные положения, характеризующие концепт православия в публицистике Достоевского в контексте «восточного вопроса» в целом. Целью же

© Сычева Е. С., 2026

данного исследования являлось именно максимально полное формулирование единой концепции православия в его геополитическом измерении, излагаемой Достоевским в контексте его рассуждений о «восточном вопросе» на страницах «Дневника писателя» в 1876–1877 гг., и именно так, как её видел сам Достоевский в условиях современных ему реалий. В данной статье своеобразная интерпретация Достоевским православия с точки зрения геополитики подвергается изучению путём анализа его религиозно-философских и политических воззрений, получивших своё отражение на страницах «Дневника писателя». Такая постановка вопроса в представленном исследовании заявлена впервые.

Проанализировав ряд материалов «Дневника писателя» за 1876–1877 гг., изложенных в 22 статьях, мы определили смысловые блоки, каждый из которых характеризует какой-либо аспект концепта «православие» в понимании Достоевского.

Православие, Россия и русский национальный характер

Для того чтобы проанализировать мнение Достоевского о роли России в «восточном вопросе», представляется необходимым сначала понять то, как, в его представлении, связаны православие и Россия, причём как в духовном, так и в геополитическом отношении.

В статье «Утопическое понимание истории» [6, с. 46–50] Достоевский прямо заявляет, что с «допетровских» времён, с того момента, как пала Византия, Россия стала её преемницей – хранительницей «истинного» христианства, православия, «…Христовой истины, но уже истинной истины, настоящего Христова образа, затемнившегося во всех других верах и во всех других народах». И далее он подчёркивает, что это – «… драгоценность… вечная, присущая России и доставшаяся ей на хранение истина», и в знак этого наша страна даже поставила византийского орла выше собственного герба.

Однако Достоевский при этом не считает, что деятельность Петра I как-либо исказила православие или повредила ему. Напротив, он воспринимает трансформацию России, её большую открытость миру в результате петровских реформ как «расширение взгляда беспримерное», как «подвиг Петра». С его точки зрения, правители России до Петра Великого совершали ошибку, пытаясь закрыться от мира, так как, если бы эта ситуация осталась неизменной, Россия неизбежно оказалась бы «неправа перед человечеством, решив бездеятельно оставить драгоценность свою, свое православие, при себе» [Там же]. (В этой логике – достаточно парадоксальной для человека, который далее на страницах «Дневника писателя» называет себя «славянофилом» [8, с. 196] – угадываются аллюзии на Библию, в частности, притчу Христа о том, что не стоит зарывать свои таланты в землю и кому больше дано, с того больше и спросится.)

Далее, Достоевский раскрывает то, что даёт православие русскому народу, как оно влияет на него. При этом, автор подчёркивает, что, с его точки зрения, эти качества – уникальные, они – «именно нечто одному лишь народу русскому свойственное» [6, с. 47], подобных свойств национального характера больше нет ни у одного народа в мире, судя по всему, именно в силу того, что даже в других христианских народах истинный дух веры и её понимание «затемнились». По мнению Достоевского, русским свойственна братская любовь к ближним, в том числе и к европейским народам, – даже несмотря на то, что они духовно далеки от нас, для них важны иные ценности, да к тому же их представители и не испытывают к нам симпатии. Русские люди умеют видеть в представителях иных культур всё самое лучшее, так как обладают удивительным даром понимания. Кроме того, русский человек по своей натуре всегда ищет справедливости, для него всегда важно понять, что – истинно, а что ложно.

Подытоживая свою мысль, Достоевский утверждает, что если русский народ будет верен себе и этим своим прекрасным качествам, то это станет «первым шагом» к «деятельному приложению» дарованного русским людям свыше на хранение дара, «нашей драгоценности, нашего православия, к всеслужению человечеству, – к чему оно и предназначено и что, собственно, и составляет настоящую сущность его» [Там же].

Предназначение православного русского народа и единение славян

Определив таким образом уникальные черты русского народа, обусловленные сохранением в душах русских людей «истинной» веры, Достоевский, развивая свою мысль, постепенно переходит к тому, как именно русский народ может исполнить своё предназначение в настоящее время. Иными словами, Достоевский обращается к практическому, точнее, геополитическому измерению вопроса.

Сознавая, что «всеслужение человечеству» – это перспектива для русского народа, возможно, очень отдалённая, писатель сосредотачивает своё внимание на том, что, с его точки зрения, не терпит отлагательства, а именно – на «восточном вопросе». По его мнению, поскольку в результате петровских реформ Россия открылась миру и с этого момента несёт свет хранящейся в ней истины в мир, теперь, логически рассуждая, её первоочередная задача – помощь другим православным народам, в первую очередь славянским: «Сам собою после Петра обозначился и первый шаг нашей новой политики: этот первый шаг должен был состоять в единении всего славянства, так сказать, под крылом России» [6, с. 47]. Достоевский видит истоки этого национального русского пути ещё в тех древних временах, когда ослабленная Византия наконец окончательно пала под ударами Османской империи. С тех пор единственным могу-

щественным оплотом православия осталась Россия, и именно на неё на протяжении всего этого времени возлагали свои надежды покорённые православные народы. Наше отечество было готово принять на себя эту ответственность: Россия «немедленно и не колеблясь приняла знамя Востока и поставила царьградского двуглавого орла выше своего древнего герба» [8, с. 68], и, таким образом, «как бы приняла обязательство перед всем православием: хранить его и все народы, его исповедующие, от конечной гибели». И не просто так наш народ дал своему правителю прозвание «царя православного», так как этим он показал, что видит в своём лидере «охранителя, единителя, а когда прогремит веление божие, – и освободителя православия и всего христианства, его исповедующего, от мусульманского варварства и западного еретичества» [Там же].

По мнению Достоевского, в результате же преобразований Петра I произошло «расширение» этой «прежней (курсив авторский – Е. С.) же нашей идеи, русской московской идеи»[6, с. 47].

Стоит отметить, что эта концепция Достоевского выглядит достаточно парадоксальной, так как в ней причудливо сплетаются как «западнические», так и «славянофильские» мотивы: Пётр Великий воспринимается им не как разрушитель исконного русского духа, а, напротив, – как гениальный реформатор, который позволил русскому народу развить свою национальную уникальность и самобытность, вывести её на новый, «всемирный» уровень, лучше понять самих себя и осознать своё предназначение. Иными словами, получается, что деятельность Петра I, в том числе – и основание Санкт-Петербурга, и даже «европеизация» России, является, в каком-то смысле, логическим продолжением «прежней же… русской московской идеи». Это тем более любопытно, что на страницах «Дневника писателя» Достоевский, как уже было упомянуто выше, называет себя «славянофилом», однако уточняет, что это понятие может быть интерпретировано по-разному, и сам для себя он определяет «славянофильство» не только как «объединение славян под началом России», но и как «духовный союз всех верующих в то, что великая наша Россия, во главе объединённых славян, скажет всему миру, всему европейскому человечеству и цивилизации его своё новое, здоровое и еще неслыханное миром слово» [8, с. 195].

При этом, Достоевский решительно настаивает на том, что Россия не желает и, более того, – в принципе не может желать ни покорять славянские народы, ни присоединять к себе их территории, ни каким-либо образом угрожать их национальной идентичности: «…не для захвата, не для насилия это единение, не для уничтожения славянских личностей перед русским колоссом» [6, с. 47]. Напротив, Россия будет способствовать развитию их самобытности, так как освободит их от гнёта Турции, защитит от притязаний Европы и, в конечном итоге, поддержит их самостоятельность,

чтобы они смогли «успокоиться и отдохнуть после их бесчисленных вековых страданий». Когда же славянские народы наконец восстановятся под заботливым крылом их покровительницы-России, то смогут начать свободно развиваться в русле своих национальных традиций, так что в конце концов принесут много доброго всему миру, внесут «свою лепту в сокровищницу духа человеческого» и скажут «своё слово в цивилизации» [Там же].

Таким образом, согласно Достоевскому, истинная сущность «тех политических отношений, которые и должны неминуемо наступить у России ко всем прочим православным народностям – славянам ли, грекам ли, всё равно» заключается в том, что «она – покровительница их и даже, может быть, предводительница, но не владычица; мать их, а не госпожа. Если даже и государыня их, когда-нибудь, то лишь по собственному их провозглашению, с сохранением всего того, чем сами они определили бы независимость и личность свою» [Там же, с. 49].

Учитывая сказанное, можно сделать вывод, что Достоевский воспринимает бескорыстную поддержку и освобождение славянских и других православных именно как духовный долг и священную обязанность России. Ведь это она – покровительница православия и защитница истинных ценностей: «Не может Россия изменить великой идее, завещанной ей рядом веков и которой следовала она до сих пор неуклонно. Эта идея есть, между прочим, и всеединение славян; но всеединение это – не захват и не насилие, а ради всеслужения человечеству» [6, с. 45].

Более того, мысль Достоевского идёт дальше. Согласно его логике, поскольку поддержка славян и других православных народов – это долг России, предначертанный ей свыше, следовательно, она не может отказаться от этого пути: это означало бы измену тем духовным принципам, на которых основано её существование. А поскольку в основе русского национального духа лежит истинная вера, православие, то бросить братьев во Христе в беде означало бы, по сути, отступничество от пути, предназначенного России свыше, т. е. предательство божественного промысла. В понимании Достоевского, это было бы уже преступлением не только по отношению к другим православным народам или даже к самим себе, но и по отношению к всему человечеству в целом, ведь, если даже самая православная, наделённая интуитивным пониманием истины нация окажется слишком слабой, чтобы исполнить своё предназначение, это может означать, что человечество как таковое окажется под угрозой. По мысли Достоевского, в основе существования человечества лежат духовные, гуманистические ценности; если же ими пренебрегают даже те, кому свыше даровано больше всех, – чего ждать от остальных? Значит, в перспективе очень недолго останется до войны «всех против всех», принимающей подчас самые чудовищные формы, такие, например, как «сдирание кож» [8, с. 44], и никакая «цивилизованность» здесь уже не

поможет. И на страницах «Дневника писателя» Достоевский говорит об этом прямо: «Обнажим, если надо, меч во имя угнетённых и несчастных, хотя даже и в ущерб текущей собственной выгоде. Но в то же время да укрепится в нас еще тверже вера, что в том-то и есть настоящее назначение России, сила и правда её» [Там же, с. 50].

Таким образом, с точки зрения Достоевского, то, что Россия выступит на стороне угнетаемых славянских народов, внешне может выглядеть как то, что она защищает свои интересы, вступающие в конфликт с интересами стран Западной Европы; на самом же деле – в долгосрочной перспективе – это защитит и сохранит европейские страны и весь мир, всю человеческую цивилизацию, в целом. Ведь без положительного примера бескорыстия и самопожертвования внешне развитые и благополучные Франция, Германия, Англия и другие, будучи ослеплёнными самой низменной алчностью и жаждой власти, могут вообще потерять всякое человеческое подобие: «…Жертва собою за угнетённых и брошенных всеми в Европе во имя интересов цивилизации есть настоящее служение настоящим и истинным интересам цивилизации. Нет, надо, чтоб и в политических организмах была признаваема та же правда, та самая Христова правда, как и для каждого верующего. Хоть где-нибудь да должна же сохраняться эта правда, хоть какая-нибудь из наций да должна же светить. Иначе что же будет: всё затемнится, замешается и потонет в цинизме» [Там же, с. 50–51]. С точки зрения Достоевского, актуальным примером широкомасштабного конфликта, в котором не помогли ни развитость, ни учёность, ни цивилизованность, является франко-прусская война, где одна «учёная» нация напала на другую, такую же «просвещённую», и «загрызла её, как дикий зверь» [8, с. 99–100].

Продолжая свою мысль, Достоевский говорит о том, что если Россия будет твёрдо и неотступно следовать своему пути, не абстрагируясь и не самоустраняясь от «восточного вопроса», а делая всё от неё зависящее для защиты угнетаемых народов и православной веры, то, напротив, со временем она сможет найти новое взаимопонимание и со странами Западной Европы, возможно, даже стать источником «их же спасения» [Там же, с. 100], – по крайней мере, указать им на истинные ценности и напомнить о настоящих духовных основах христианской веры. Результатом правильного поведения России в «восточном вопросе» должно стать «и окончательное столкновение наше с Европой, и окончательное единение с нею, но уже на новых, могучих, плодотворных началах» [8, с. 74].

Тогда Россия наконец сможет исполнить своё предназначение в полной мере, и другие страны наконец осознают, что люди – братья, а значит, воевать и вредить друг другу нельзя, а нужно жить мирно и заботиться о благе ближнего. Это «настоящее воздвижение Христовой истины, сохраняющейся на Востоке… и окончательное слово православия» станет основой

для «всепримирения народов», а вечно воюющие страны, находящиеся в состоянии постоянного раздора, превратятся в «союз, основанный на началах всеслужения человечеству». Конечным итогом этого процесса станет «обновление людей на истинных началах Христовых» [6, с. 50].

Стремление русского народа к духовному подвигу и единство с царём

Особенное внимание Достоевский обращает на то, насколько по-разному реагирует на идею войны с Турцией во имя освобождения православных славян русский народ и русская интеллигенция: в то время как, по его впечатлению, русский народ стихийно готов идти и бескорыстно пожертвовать собой ради спасения своих «братьев во Христе», образованная и просвещённая часть русского общества предаётся размышлениям общего характера о «человеколюбии, о гуманности» [8, с. 98], о том, что война по природе своей антигуманна и является злом. Что же касается идеи оказания военной помощи славянам, к ней интеллигенция относится, мягко говоря, со скепсисом, отчего в ней можно заметить «нетвёрдость взгляда, странное непонимание иногда самых простых вещей, почти смешное колебание в том, что делать и чего не делать» [6, с. 122]. По мнению Достоевского, корень этого противоречия лежит в разном уровне «русскости» разных слоёв общества, а значит – и разной степени их приближенности к исконной «драгоценности» русского народа, таинственному православию русской души. Только оно может указать людям верный путь, так как через него люди интуитивно постигают истинные духовные ценности. И сохранилось оно больше всего именно среди простонародья: «…Зато в простом, многомиллионном народе нашем и в царях его идея освобождения Востока и церкви Христовой не умирала никогда. Движение, охватившее народ русский прошлым летом, доказало, что народ не забыл ничего из своих древних надежд и верований…» [8, с. 68]. В качестве примера того, что любой, может быть, даже самый простой и ничем не выдающийся русский человек может оказаться героем, способным на духовное подвижничество и мученическую смерть, Достоевский приводит историю о гибели унтер-офицера Фомы Данилова, погибшего как мученик за отказ отступиться от православия и принять ислам. В том, что среди русского народа и даже среди образованного общества новость об этом событии не вызывала особенного удивления, Достоевский видит доказательство того, что готовность принять пытки и гибель, лишь бы не предать своих духовных ценностей, – абсолютно естественна для простых русских людей, настолько, что они даже не задумываются о ней. Что же касается самого Фомы Данилова, Достоевский называет его «эмблемой России» и её «подлинным образом» [8, с. 14].

Достоевский решительно проводит различие между войной из корысти, целью которой является завоевание, и бескорыстной войной ради

защиты угнетённых и бесправных. Он рассуждает о том, как простой народ слушает легенды о «великом, целомудренном и смиренном христианском» богатыре Илье Муромце, «подвижнике за правду, освободителе бедных и слабых, смиренного и непревозносящегося, верного и сердцем чистого» [Там же, с. 69], который использует свою силу, только чтобы защищать правду и помогать беззащитным.

С точки зрения Достоевского, русский народ искони веков вырастает на сказаниях о землях, где под гнётом «иноверцев» страдают такие же, как и они, православные христиане. Кроме того, русскому народу свойственна такая «историческая черта» [Там же, с. 216], как «ревность… к “делу божию”, ко святым местам, к угнетённому христианству и вообще ко всему *покаянному*, *божественному* (курсив авторский – *Е. С.*)» [Там же]. По его мнению, русский народ хочет идти на войну, потому что он хочет защитить единоверцев, и это его искренний и безрасчётный порыв: «Спросите народ, спросите солдата: для чего они подымаются, для чего идут и чего желают в начавшейся войне, – и все скажут вам, как един человек, что идут, чтоб Христу послужить и освободить угнетённых братьев, и ни один из них не думает о захвате» [8, с. 100].

Достоевский считает, что на одной стороне с народом в таких критически важных вопросах традиционно оказывается и русский «царь православный». Так оказалось и в ситуации с «восточным вопросом», так как Александр II «миролюбив» и не может мириться с тем, что проливается «кровь человеческая». И в этом «союзе царя с народом своим» [Там же, с. 97] кроется мощь, которой сложно что-то противопоставить: «У нас, русских, есть, конечно, две страшные силы, стоящие всех остальных во всем мире, – это всецелость и духовная нераздельность миллионов народа нашего и теснейшее единение его с монархом» [Там же, с. 9]. Таким образом, православный русский народ и его «царь православный» находят опору друг в друге, так как их порыв, их душевное устремление, желание спасти единоверцев – едино.

Иными словами, стремление русского народа и, что самое важное, русского царя помочь освобождению славян от турок – это бескорыстный порыв души, продиктованный в первую очередь человеколюбием и необходимостью защищать православие; отсюда и возникновение расхожего выражения, обозначающего помощь славянам в самом широком смысле слова, – «Православное дело» [6, с. 102]. Как уже было сказано выше, в этом Достоевский видит истинную миссию и предназначение русского народа. Также он утверждает, что доказательством этого бескорыстия и доказательством «идеи о будущем предназначении России в Европе» [8, с. 100] будет то, что Россия не присоединит к себе насильно никого из освобождённых народов или их территорий, потому что ей это не нужно, разве что они сами когда-нибудь изъявят такое желание. Однако, как уже

было указано выше, даже и в этом случае их национальная самобытность будет гарантирована, так как Россия никогда не будет подавлять «личностей иноплеменных нам национальностей» [Там же].

Вместе с тем, Достоевский традиционно не упускает возможности покритиковать «просвещённую» часть российского общества, которая считает, что наш народ неспособен сознательно понимать и исполнять своё предназначение якобы в силу некоторой недоразвитости и недостатка образования. В то же время, он делает оговорку, что когда-нибудь и наша интеллигенция должна стать ближе к народу и многое для себя понять и переосмыслить. Правда, по его мнению, пока этого не произойдёт, даже нашему простому народу со всеми присущими его недостатками особенно нечему учиться у образованных слоёв общества именно в духовном отношении. Простые люди, крестьяне, меньше подвержены влиянию западной «учёности», а значит, они гораздо лучше умеют отличать истинные ценности от ложных. Так что, по мнению Достоевского, если бы наши «просвещённые» люди удосужились повнимательнее присмотреться к простому народу, возможно, они бы и «сами научились бы столь многому, чего и представить теперь даже не можем» [8, с. 17]. Достоевский настойчиво намекает, что именно оторванностью образованной части российского общества от православных духовных основ, сохранившихся в народе, и объясняется такое скептическое, подозрительное отношение к защите славян и вообще к участию России в решении «восточного вопроса». Нежелание русской интеллигенции к стихийному порыву простого народа поддержать своих «братьев во Христе» Достоевский резко осуждает, так как, по его мнению, это не может быть объяснено ничем иным, как только высокомерным, несправедливым отношением к своему народу, а значит, и недостатком патриотизма: «…Неверие в духовную силу народа есть, конечно, неверие и во всю Россию». Однако Достоевский не считает, что эта ситуация непоправима; скорее, он высказывает мнение о том, что она изменится в лучшую сторону, если «просвещённые» слои общества осознают свою неправоту и постараются лучше понять исконные и удивительные достоинства, присущие простым русским людям. С его точки зрения, это было бы правильно, так как в такой исторический момент людям образованным пора почувствовать, что «нельзя уже более разъединяться и разрывать с народом своим» [Там же, с. 98].

А вот те, кто в принципе не способен понять бескорыстия и самоотверженности русского народа, – это, конечно, первоначальный источник всего скепсиса и безверия (по мнению Достоевского), а именно – страны Западной Европы. Англия, Франция, Австрия, Германия и т. д. не способны понять бескорыстных и самоотверженных чувств русских людей, каждый из которых хранит внутри себя драгоценную частицу пра-

вославия, духовно объединяющую весь народ воедино. Страны Запада уверены, что Россия хочет завоевания ради завоевания, потому что судят по себе, – бескорыстные мотивы им подозрительны и попросту непонятны, «Европа… не верит ни благородству России, ни ее бескорыстию» [6, с. 107] Достоевский не считает, что России следует придавать этому большое значение: «…Нам нечего бояться их приговоров: в этом самоотверженном бескорыстии России – вся ее сила, так сказать, вся ее личность и всё будущее русского назначения» [Там же, с. 46]. Однако, он обращает внимание на то, что истоки этого непонимания странами Западной Европы русского духа лежат очень глубоко, на уровне тех принципов, на которых основано их существование. И имя этим принципам – идея католическая и идея протестантская.

Три мировые идеи: католическая, протестантская и православная

Одной из наиболее интересных концепций Достоевского, имеющей непосредственное отношение к его осмыслению «восточного вопроса», является концепция «трёх идей», изложенных им в одноимённой статье «Дневника писателя» [8, с. 5–9]. Несмотря на то, что в привычном понимании слова «католическим» или «протестантским» может быть вероисповедание, Достоевский расширяет содержание этих понятий, «увязывая» религиозные идеи с культурно-историческими особенностями определённых наций.

Так, характерным примером нации, сложившейся под влиянием «католической идеи», Достоевский называет Францию, причём возводит этот «католический дух» – по его мнению, завоевательный и насильственный по своей сути – непосредственно к идейному наследию древнего Рима (т. е., очевидно, и грандиозной по размеру Римской империи, созданной путём долгих завоевательных войн). Основное стремление «идеи католической» – «владеть человеком на всей земле, и нравственно и матерьяльно». Логическим же следствием «идеи католической», призванной к «*насильственному* (курсив авторский. – *Е. С.*) единению человечества» Достоевский, вполне в духе своей парадоксальной логики, называет французских атеистов, социалистов и коммунаров, желающих построить общество равенства «уже без Христа и вне Христа»; очевидно, с его точки зрения – это по определению крайне богохульственная, а значит, и крайне неудачная мысль. По мнению Достоевского, всё это – формы «горячего» протеста против католической церкви, которые, однако же, являются плотью от её плоти, её же порождением, структурными элементами «всего католического организма» [8, с. 145]: внешне все эти общественные концепции не выглядят как нечто, имеющее отношение

к религии, а вот по сути – проникнуты всё тем же духом католической идеи, «в материализме его, в деспотизме его, в нравственности его» [Там же, с. 7].

«Идее католической» противостоит «идея протестантская», которая у Достоевского тоже «увязана» с конкретным государством, а именно – с Германией. По мнению Достоевского, суть протестантской идеи заключается в противостоянии идее католической, и история этого противостояния начинается отнюдь не с Мартина Лютера, а намного раньше – ещё «со времен Арминия и Тевтобургских лесов», то есть с того момента, когда германские племена выстояли против римских легионеров. Достоевский видит «протестантскую идею», в общем и целом, как мысль Германии о собственном превосходстве, ведь она «верит, что выше германского духа и слова нет иного в мире и что Германия лишь одна может изречь его», а также о её способности сопротивляться римско-католической идее, воплощением которой, с точки зрения Достоевского, как уже отмечалось выше, является Франция. Однако, слабым местом протестантской идеи является то, что она является «*отрицательной* (курсив авторский. – *Е. С.*)» [Там же, с. 8], то есть вся суть её сводится к тому, что она протестует против идеи католической; а какого-либо самостоятельного «слова», конструктивного, основополагающего, помимо своей «формулы протеста» [Там же, с. 153], она сама по себе так и не сказала. По мнению Достоевского, если вдруг, по какой-нибудь причине, католическая идея исчезнет, то за ней вслед неизбежно исчезнет и идея протестантская, так как ей больше «*не будет против чего протестовать* (курсив авторский. – *Е. С.*)» [Там же, с. 8]; она постепенно превратится всё в тот же атеизм, и на этом её история закончится.

Третья же идея, которая «загорелась и засияла небывалым и неслыханным ещё светом» [Там же, с. 9] на Востоке, – это идея православная, «Славянская идея» [6, с. 103], и воплощением её безусловно является Россия. По понятным причинам, к ней не могут относиться положительно или доверчиво ни «завоевательная» по своей сути идея католическая, ни «германоцентричная» идея протестантская, не воспринимающая в качестве серьёзного противника никого, кроме идеи католической.

В конечном, итоге, все эти три идеи «сходятся» в одной точке, которой и становится «восточный вопрос» и его главная смысловая проблема, геополитическая и духовная, – проблема принадлежности Константинополя.

Духовное право России на Константинополь

Начинает Достоевский свои рассуждения с того, что прямо заявляет тезис «рано ли, поздно ли, но Константинополь должен быть наш»

[8, с. 65], тут же замечая, что такой переход от размышлений о духовном к установлению контроля над Константинополем наверняка вызовет у части читателей усмешку. Но далее Достоевский активно развивает свою мысль о том, что в реальности противоречия не существует, так как вопрос о Константинополе и тема судеб православия, а значит, и России, связаны напрямую.

Турецкое «иго». По мнению Достоевского, до сих пор на протяжении четырёхсот лет разные православные народы на Балканах – как славяне, так и греки – жили относительно дружно и, пусть и вынужденно, но ладили друг с другом, в том числе и в вопросах веры: «Восточная церковь, ее предстоятели, вселенский патриарх, во все эти четыре века порабощения их церкви, жили с Россиею и между собою мирно – в деле веры то есть: больших смут, ересей, расколов не было, не до того было». Причиной этому было, в первую очередь, то, что все они находились под гнётом мусульманской Турции, что во многом подавляло их междоусобные разногласия: всё это «придавленное и измученное» христианское сообщество [Там же, с. 67] понимало, что приверженность православной вере поддерживает и их национальную идентичность, так как если бы они приняли ислам, то неизбежно «растворились» бы как народы, смешавшись с завоевателями, и слились «с победителями воедино, забыв свой род и свою прежнюю историю». Таким образом, по мнению Достоевского, в каком-то смысле до сих пор угроза православию на Балканах происходила извне, а этому внешнему давлению греки и славяне могли противостоять, потому что все они находили свою духовную опору в своём единстве как братья по вере: «Христианское население Востока увидало во Христе и в вере в него единое своё утешение, а в церкви – единственный и последний остаток своей национальной личности и особности».

Кроме того, по словам Достоевского, в течение всего этого времени как греки, так и восточные славяне опирались на советы России – главного оплота православия в мире. Как уже указывалось выше, с того момента, как пала Византия, все православные Балкан, «весь огромный христианский Восток невольно и вдруг обратил свой молящий взгляд на далёкую Россию… и как бы предугадал в ней будущее её могущество, свой будущий всеединящий центр себе во спасение». По его мнению, как русские люди считали своего «царя православного» потенциальным «освободителем православия и всего христианства, его исповедующего, от мусульманского варварства и западного еретичества», так и славяне и греки видели «не могли не видеть в царе России не только освободителя, но и будущего царя своего» [Там же, с. 68].

Раздор между славянами (ослабление Турции, греки, национализм, западные идеи). Отношение балканских славян к

России. Со временем православие как в России, так и среди западных славян начало подвергаться испытаниям.

Во-первых, и там, и там просвещённая часть общества стала придавать меньше значения православию и церкви вообще, подпав под влияние западноевропейских (а значит, по Достоевскому, не-русских и не-православных) идей. Таким образом, истинное понимание православия и само осознание его как ценности сохранились только среди простого народа.

Во-вторых, по мере ослабления Турции начал нарастать и раздор «внутри» самих православных народов. У этого противостояния Достоевский выделяет три аспекта: вражду между разными славянскими народами, натянутые отношения между славянами в целом и греками, и третий, наиболее важный, – нарастающее под влиянием со стороны западных стран недоверие славян по отношению к России. Что касается «розни» между балканскими славянами, Достоевский называет её «несомненной и страшной», «вечной», и делает вывод о том, что без объединяющей роли России им никак не поладить друг с другом, «да и не сохраниться без России славянам, исчезнуть славянам с лица земли вовсе» [8, с. 39].

Однако, по мнению Достоевского, здесь возникает следующая проблема ключевой важности, а именно – то, что многие славяне насквозь пропитаны националистическими идеями, причём настолько, что они действительно боятся, как бы Россия не подчинила их себе, как прежде – Турция, и не стёрла их национальную и культурную идентичность. Конечно, речь не идёт о народе, потому что на народном уровне, по мнению Достоевского, русские и славяне Балкан по-прежнему духовно близки друг другу, так как «…для народов славянских, для сербов, для черногорцев — Россия всё еще солнце, всё еще надежда, всё еще друг, мать и покровительница их, будущая освободительница» [6, с. 115], а что касается русских, то «в простом, многомиллионном народе нашем и в царях его идея освобождения Востока и церкви Христовой не умирала никогда» [8, с. 68], так что на уровне простого народа у русских и славян – полное взаимопонимание и взаимное устремление друг к другу. Однако, Достоевский прямо говорит о существовании этой «враждебности к России и русским» среди значительной части славянской интеллигенции, а также «в некоторых высших представителях и предводителях славян», предостерегая своих читателей от наивных иллюзий, что все наши «братья славяне» нас «обожают» [8, с. 72]; так, «они, например, всё еще считают нас, сравнительно с собой, необразованными, чуть не варварами», а некоторые даже уверены, что «у них было уже сорок таких поэтов, как Пушкин» [6, с. 115]. А кроме того, как полагает Достоевский, славяне – «политически самолюбивы и раздражительны, как нации неопытные и жизни не знающие» [Там же]. Следовательно, они легко могут дать

себя обмануть той же условной Англии, если вдруг та решит оклеветать Россию в их глазах и заявит, что Россия – враг славян, который только притворяется их защитницей, а на самом деле мечтает их завоевать. И дело не в том, что славянские народы не понимают, что Англии и другим странам Западной Европы их существование, в лучшем случае, глубоко безразлично, хотя бы их «и вовсе на свете не было» [8, с. 70], а, скорее всего, – и просто нежелательно; в глубине души, славяне всё это сознают. Но вероятность того, что они поверят клевете на Россию, всё равно очень велика, поскольку в эту клевету будет вложено очень много усилий со стороны правительств западноевропейских стран, которые умело будут играть на страхе славян утратить свою национальную идентичность.

Страны Запада, в свою очередь, готовы идти в этом вопросе до конца, по принципу «все средства хороши», так как они понимают, что, «помогая славянам, мы тем самым продолжаем укоренять и укреплять веру в славянах в Россию и в её могущество и всё более и более приучаем их смотреть на Россию как на их солнце, как на центр всего славянства и даже всего Востока» [7, с. 63], и для неё такое возвышение России в сердцах славян, с геополитической точки зрения, – ничуть не менее опасно, чем было бы прямое военное подчинение себе Россией славянских народов и территорий. Достоевский прямо говорит о том, что «…Европа всеми средствами желала бы взять себе в опеку славян, так сказать, похитить их у нас и, буде возможно, восстановить их навеки против России и русских» [Там же]. Для них это – вопрос принципиального характера, точно так же, как и для нас. Здесь и сходятся, по мнению Достоевского, три «мировые идеи», задействованные в «восточном вопросе», и это столкновение интересов, духовных и геополитических, становится ключевым для судеб всего человечества уже в ближайшем будущем. А в эпицентре этого набирающего силу конфликта лежит вопрос о политической принадлежности главного исторического центра православия – Константинополя.

Константинополь. Концепция «международного» города и её скрытая опасность (влияние западных держав, церковный раскол на почве национальной розни). Как уже упоминалось, начинает Достоевский свои рассуждения с того, что прямо заявляет тезис «рано ли, поздно ли, но Константинополь должен быть наш». Впервые он заявляет это в статье «Утопическое понимание истории» [6, с. 46–50], а раскрывает его более полно и подробно в статьях «Еще раз о том, что Константинополь, рано ли, поздно ли, а должен быть наш» [8, с. 65–67] и «Самые подходящие в настоящее время мысли» [Там же, с. 70–74], которые вышли уже в следующем году.

Основным фактором, который делает Константинополь потенциальным очагом международной напряжённости, по мнению Достоевско-

го, является возможная утрата ослабевающей Турцией контроля над этим городом. В этой ситуации Константинополь станет не просто международным «яблоком раздора», а целой геополитической миной замедленного действия, т.к. является не только городом с уникально важным со стратегической точки зрения местоположением, дающим огромное военное и торговое преимущество любой стране, которая его контролирует, но и – как исторически, так и в перспективе, – духовным центром, центром «восточного христианства», православия. Однако, учитывая откровенно натянутый характер отношений между православными народами, падение Турции неизбежно приведёт к ожесточённым столкновениям славян друг с другом и с греками на национальной почве, притом, изначально, – в форме религиозной, церковной розни. Разногласия и борьба за влияние разных православных народов в церковной сфере (например, вопрос о том, не возникнет ли новый «восточный папа», и если да, то какой он должен быть национальности), будет умело направляться «кураторами» извне – той же Англией или любой другой крупной европейской державой.

Больше всего Достоевского беспокоит предложение сделать Константинополь, в случае утраты над ним контроля со стороны Турции, «международным» городом, «каким-то серединным, общим, вольным, чтобы не было из-за него споров» [Там же, с. 71], то есть, по-видимому, не принадлежащим формально никому. Он совершенно справедливо указывает, что такому «лакомому куску», как Константинополь, не позволят стать «ничьим», и поэтому условные англичане тут же разместят там свой мощнейший флот, и при этом, самое парадоксальное – в том, что «греки, славяне и мусульмане Царьграда призовут их сами». Произойдёт это в силу всё того же недоверия по отношению к России, которую «интеллигенция восточной райи хоть и зовет… на помощь, но боится ее, может быть, столько же, сколько и турок». Итогом станет то, что в городе, помимо «покровителей-англичан», будут формально руководить греки, «исконные хозяева города», которые, по его мнению, «смотрят на славян еще с большим презрением, чем немцы», но поскольку «славяне будут и страшны для греков, то презрение сменится ожесточением» [Там же, с. 72]. В реальности же контроль над городом будет принадлежать западноевропейским странам, которые будут прилагать все усилия к тому, чтобы исподволь разжигать национальную и религиозную рознь между православными народами, что сделать будет нетрудно, так как «уже всё сильней разгораются и между собою национальные соперничества» [Там же, с. 70]. Европа будет умело контролировать и направлять этот процесс, поначалу не позволяя ситуации перерасти в настоящую войну, но поощряя раздор именно в духовной, церковной сфере, чтобы и славянские народы, и греки постоянно чувствовали себя ущемлёнными в религиозном отношении и окончательно возненавидели друг друга.

А там, кто знает, чем закончится, ведь крупным европейским не-православным державам, той же Великобритании, потенциально даже удобнее, чтобы «некому было бы на Балканском полуострове делать против турок восстания» [Там же, с. 71].

В качестве свидетельства в пользу того, что предпосылки к такому варианту развития событий уже существуют, Достоевский приводит в пример борьбу за независимость болгарской церкви от константинопольского (греческого) патриархата, известную также как греко-болгарская схизма. По мнению Достоевского, «столь недавняя греко-болгарская церковная распря, под видом церковной, была, конечно, лишь национальною, а для будущего как бы неким пророчеством», то есть он полагает, что этот случай – очевидный пример того, как отношения между разными православными народами с очень высокой вероятностью будут развиваться в будущем. Подытоживая, Достоевский замечает, что стоит лишь Турции окончательно утратить своё влияние на эти области, как между православными народами сразу же начнутся «смятения и распри на первый случай именно характера церковного».

В этом случае Россия окажется в очень сложном положении, так как к её авторитету как православной державы могут взывать как греки, так и славяне, и игнорировать эти призывы она едва ли сможет; при этом, если поддержит какую-либо из сторон, то сразу разрушит отношения с другой: «России стать за греков будет значить потерять славян, а стать за славян, в этой будущей и столь вероятной между ними распре, – значит, нажить и себе, может быть, пренеприятные и пресерьезные церковные хлопоты». Единственное, что может этому противостоять, – «покровительство» и «строгий над ними <православными народами Балкан> надзор» [Там же, с. 72] со стороны России, а для этого, в свою очередь, необходимо занять твёрдую позицию в «восточном вопросе». Достоевский уверен, что, «отстранись Россия хоть наполовину от окончательного и первенствующего влияния на судьбы Востока, сделай она эту уступку Европе», и она окажется в очень опасной ситуации, потому что о многовековом «церковном единении» православных народов на Балканах, скорее всего, придётся забыть навсегда. Более того, церковная смута среди православных «братьев во Христе» может произвести самое угнетающее впечатление уже и на русский народ, который неизбежно будет смущён таким поворотом дел, и под угрозой может оказаться уже православие внутри самой России, не говоря уже о судьбе «третьей», «славянской» идеи: «Русский народ, понимающий Восточный вопрос не иначе как в освобождении всего православного христианства и в великом будущем единении церкви, если увидит, напротив, новые смуты и новый разлад, то будет слишком потрясён, и, может быть, глубоко отзовётся и на нём… всякий новый исход дела,

особенно если оно в конце концов получит характер церковный по преимуществу» [Там же, с. 73–74].

Таким образом, Достоевский приходит к выводу о том, что ключевым аспектом «восточного вопроса» станет контроль над Константинополем: если «Константинополь будет наш», то смуты между православными народами можно будет избежать, но если он, выйдя из-под контроля Турции, станет неким якобы «международным», «ничьим» городом, это приведёт Россию к катастрофическим последствиям как с точки зрения геополитики, так и с точки зрения её истинного предназначения как хранительницы православия. По его мнению, Россия обязана установить свой контроль над Константинополем, в первую очередь, – для того, чтобы предотвратить бесконечные религиозные распри между греками и представителями балканского славянства, спровоцированные глубокими противоречиями на национальной почве. Важнее вопроса об установлении контроля над Константинополем, как считает Достоевский, нет ничего, «дело это наша жизнь и смерть», так как от этого зависит общее разрешение «этого страшного» «восточного вопроса», от которого зависит вся «судьба наша в будущем». Как уже указывалось выше, Достоевский считал, что судьба России, славян и православия неразрывно связаны друг с другом: «…Мы, Россия, действительно необходимы и неминуемы и для всего восточного христианства, и для всей судьбы будущего православия на земле, для единения его». Поэтому он убеждён, что и Константинополь когда-нибудь должен стать частью России, – «хотя бы лишь в будущем только столетии» [Там же, с. 73–74].

Судьба православия, России и «третьей идеи». Как уже указывалось выше, по мнению Достоевского, до завоевания Константинополь был центром православия, но, когда он пал, духовной преемницей его стала Россия, которая в дальнейшем оказалась хранительницей православия. Стало быть, по мнению Достоевского, наше право на Константинополь – это духовное право, право на то, чтобы реализовать, исполнить своё историческое предназначение, которое заключается в «деятельном приложении нашей драгоценности, нашего православия, к всеслужению человечеству, – к чему оно и предназначено и что, собственно, и составляет настоящую сущность его» [6, с. 47]. Под этим «деятельным приложением» православия понимается то, что русский народ будет подавать другим народам и нациям пример «Христовой правды», – как образно это описывает Достоевский, «…надобен авторитет, надобно солнце, чтоб освещало. Солнце показалось на Востоке, и для человечества с Востока начинается новый день. Когда просияет солнце совсем, тогда и поймут, что такое настоящие “интересы цивилизации”» [8, с. 51]. В число достоинств русского православного народа входят такие особенности националь-

ного характера, как «почти братская любовь наша к другим народам», «потребность наша всеслужения человечеству», пусть даже иногда это идёт вразрез с нашими собственными интересами, «примирение наше с их цивилизациями, познание и извинение их идеалов, хотя бы они и не ладили с нашими», «способность в каждой из европейских цивилизаций или, вернее, – в каждой из европейских личностей открывать и находить заключающуюся в ней истину, несмотря даже на многое, с чем нельзя согласиться», а также – «потребность быть прежде всего справедливыми и искать лишь истины» [6, с. 47]. Этим, по мнению Достоевского, и обосновывается наше право на Константинополь, который не должен быть столицей России или даже «центром всего всеславянства» [7, с. 63], а должен стать именно столицей духовной, столицей мирового православия и оплотом «третьей идеи»; и Россия, собственно, и имеет на него право как последняя православная держава в мире.

Заключение

Концепция Достоевского относительно роли России в «восточном вопросе» сводится к следующему. По его мнению, Россия является преемницей Византии как оплота «истинного» христианства, православия. Этим обусловлен ряд уникальных черт русского народа, который обладает интуитивным пониманием христианских ценностей. Также прямой обязанностью России как защитницы православия во всём мире является поддержка православных народов, в первую очередь – балканских славян, в «восточном вопросе», в том числе и военная. Достоевский уверен в том, что, в противовес русской интеллигенции, подверженной скепсису и сомнениям в силу влияния на неё западных идей, русский народ вместе со своим «царём православным» готов к бескорыстному подвигу и самопожертвованию ради помощи своим «братьям во Христе», которую часто называет «Православным делом». Искренняя самоотверженность русского народа непонятна и подозрительна странам Западной Европы; в основе глубокой пропасти, пролегающей между ценностными основами мировоззрения западноевропейских стран и России, лежит разница между «тремя идеями» – «католической», «протестантской» и «православной», – лежащими в основе их существования. Потенциально – в случае окончательного ослабления или даже распада Турции как государства, – все «три идеи» столкнутся именно в «восточном вопросе», одной из ключевых проблем которого является неопределённость будущего Константинополя. Если Россия не установит над городом свой контроль, это может обернуться для неё геополитической катастрофой, обусловленной активным вмешательством западных держав, в первую очередь – морских, таких как Англия. Начнётся она с жесточайшей розни на национальной почве между греками и славянами, умело подогреваемой западноевропейскими странами. Достоевский предполагает, что, по крайней мере сначала, эта распря примет форму ожесточённой

церковных споров, и считает, что Россия как хранительница православия обязана этому противодействовать, иначе ущерб будет нанесён и ей самой, и всей православной «третьей идее». По мнению Достоевского, Россия как православная держава (в перспективе – со своеобразным символическим и духовным центром в Константинополе) должна стать центром объединения славян и всех православных народов вообще. Что же касается европейских стран, то через «восточный вопрос» лежит путь и к грандиозному столкновению России и Европы на самых разных уровнях, и к окончательному их примирению и единению (пусть и в неком неопределённом, отдалённом будущем) уже на новых, истинно христианских, т. е. православных, духовно-нравственных началах.

Таким образом, с точки зрения Достоевского, и поддержка славян (как и православия) на Балканах, и установление контроля над Константинополем – это разные, но взаимосвязанные аспекты одного и того же сопротивления, которое Россия, как он полагал, способна была оказать опасному влиянию западных держав (чуждых «православной» цивилизации по культурно-ценностным основаниям, и потому неизменно враждебно настроенных) на всю восточную Европу.

Просто «на полях» отметим, что, на наш взгляд, в этих воззрениях причудливо переплетены поэтический способ осмысления широкомасштабных исторических и культурных процессов, свойственный для Достоевского как публициста, его наблюдательность и проницательность, а также некоторые особенности личного мировоззрения и довольно ярко окрашенные личные общественно-политические взгляды и мнения писателя относительно современной ему действительности, российской и мировой.

Дальнейшим направлением для исследования данного вопроса может стать более подробный анализ упомянутых аспектов, а также их осмысление в контексте совокупности религиозно-философских и политических воззрений Достоевского. Кроме того, вполне перспективным с точки зрения литературоведения представляется также сопоставление тезисов, изложенных Достоевским от своего собственного лица в своей публицистике, с похожими идеями, излагаемыми различными персонажами его романов.

Список литературы

1. Аверьянова, Е. Ю. «Славянское единение» Ф. М. Достоевского как аспект национальной идеи // Философия права. 2012. № 6 (55). С. 103–104.
2. Василик, В. В. Освещение некоторых аспектов национального вопроса в «Дневнике писателя» Феодора Михайловича Достоевского // Сретенский сборник. Научные труды преподавателей СДС. 2012. № 3. С. 350–361.
3. Власова, Ю. В., Иванова, С. И. «Славянский вопрос» в творчестве Ф. М. Достоевского (по материалам публицистики 70-х гг. XIX века) // Austrian Journal of Humanities and Social Sciences. 2016. № 3-4. С. 90–92.

4. Волкова, Е.А., Перепелицын, А.В. Восточная политика России в художественных и публицистических сочинениях Ф.М. Достоевского // Известия Воронежского государственного педагогического университета. 2017. № 2 (275). С. 125–128.
5. Гачева, А.Г. «Славянство лишь первое собирание» (Ф.М. Достоевский): идея славянского единства в контексте христианского универсализма // Философические письма. Русско-европейский диалог. 2020. Т. 3. № 4. С. 81–112.
6. Достоевский, Ф.М. Полное собрание сочинений: в 30 т. Т. 23. Ленинград: Наука, 1981. 423 с.
7. Достоевский. Ф.М. Полное собрание сочинений: в 30 т. Т. 24. Ленинград: Наука, 1982. 518 с.
8. Достоевский, Ф.М. Полное собрание сочинений: в 30 т. Т. 25. Ленинград: Наука, 1983. 470 с.
9. Звозников. А.А. Достоевский и православие: предварительные заметки // Проблемы исторической поэтики. 1994. № 3. С. 179–191.
10. Косик. В.И. Достоевский: восточный вопрос // Славяноведение. 2020. № 1. С. 85–93.
11. Косик. В.И. Мысли и прогнозы Достоевского в «Дневнике писателя» // Русистика без границ. 2022. № 1. С. 66–75.
12. Новикова. Е.Г. «Западные славяне» в «Дневнике писателя» Ф.М. Достоевского периода Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. // Имагология и компаративистика. 2016. № 1 (5). С. 44–51.
13. Павленко. А.Н. Утопия «панславизма» и его критика Ф.М. Достоевским // Культура и цивилизация (Донецк). 2016. № 1 (3). С. 46–57.
14. Пчелкина. Е.П. Ф.М. Достоевский о роли России в Восточном вопросе и отношении с Сербией // Труды Белгородской православной духовной семинарии (с миссионерской направленностью). 2020. № 10. С. 75–83.
15. Щербинин. А.И., Щербинина Н. Г. Картирование славянского мира в «Дневнике писателя» Ф.М. Достоевского // Русин. 2018. № 4 (54). С. 292–302.
16. Щипков. В.А. Соотношение религиозного и светского в трудах Ф.М.Достоевского (на материалах «Дневника писателя» и писем) // Вопросы теологии. 2023. № 4. С. 563–573.

“THE THIRD IDEA”: CONSIDERING THE GEOPOLITICAL DIMENSION OF EASTERN QUESTION IN “A WRITER’S DIARY” BY FYODOR DOSTOEVSKY (1876-1877)

E.S. Sycheva

Moscow State Institute of International Relations (MGIMO University), Moscow

This study focuses on the Dostoevsky’s interpretation of the Orthodox Christianity, not only as a religious or religious-philosophical concept, but also as a certain geopolitical factor. The basics of the geopolitical aspect of Orthodoxy

is deeply rooted within the historically conditioned cultural-value commonalities of the Orthodox nations which contrast sharply with the mentality and self-awareness of the nations shaped under the influence of either Catholic or Protestant cultural and religious tradition.
***Keywords**; Dostoevsky, geopolitics, Orthodox Christianity, The Eastern Question, the Balkans, Europe*

Об авторе:

СЫЧЕВА Елена Сергеевна – кандидат культурологии, доцент кафедры международной журналистики, Московский государственный институт международных отношений (университет) (119991, г. Москва, Ленинский проспект, 4), e-mail: e.sycheva@my.mgimo.ru.

About the author:

SYCHEVA Elena Sergeevna – Candidate of Cultural Studies, Associate Professor at the Department of International Journalism, Moscow State Institute of International Relations (MGIMO University) (119991, Moscow, Leninskiy prospect, 4), e-mail: e.sycheva@my.mgimo.ru.

Дата поступления рукописи в редакцию: 09.02.2026 г.
Дата подписания в печать: 14.09.2026 г.